

Но Мозун Дажэн, получив нужные сведения, больше не собирался задерживаться. Увидев, что Цзянь Чжэнь допил чай, он сказал:

— Пойдём.

— Хорошо, — послушно отозвался Цзянь Чжэнь.

Сейчас стояла глубокая осень — на горных склонах кленовые листья ложились один за другим, словно рассыпанные огненные чешуйки.

Пути по горам — расстояние немалое, но, к счастью, Мозун Дажэн владел техникой сокращения шага. Почти не потратив усилий, они уже оказались на другом пике. Послеобеденное солнце заливало мягким светом небольшую деревушку у подножия горы Ванся.

— Так это и есть деревня Си? — сказал Цзянь Чжэнь.

Мозун Дажэн равнодушно кивнул:

— Похоже на то.

По всем законам логики, найдя наконец нужное место, следовало бы радоваться. Но Цзянь Чжэнь заметил, как Мозун Дажэн смотрит на деревню: его красные глаза слегка прищурились, и в этом взгляде сквозило что-то многозначительное.

Чтобы попасть в деревню Си, нужно было пройти через узкую расщелину в горной долине.

Едва они миновали её, как Мозун Дажэн поднял руку — и с неба обрушились несколько огромных валунов. Камни рухнули вниз, словно метеоры, почти полностью завалив вход в долину.

— Зачем? — изумлённо спросил Цзянь Чжэнь.

Мозун Дажэн стоял посреди горной тропы, глядя на наглухо перекрытую дорогу. Подол его тёмных одежд колыхался на ветру.

— Раз уж в деревню Си приходит так много людей за цветком, — спокойно произнёс он, — то лишние конкуренты нам ни к чему. Разве не так?

—

Вот ведь хитрец.

Заметив, как «маленькая травинка» сердито уставилась на него, Мозун Дажэн добавил:

— Эти камни задержат посторонних максимум на два-три дня. Серьёзных помех не будет. Пойдём.

И правда — мир культивации, здесь каждый не промах.

Цзянь Чжэню оставалось лишь смириться.

Следуя за Мозун Дажэном по узкой тропе, они постепенно вышли к окраине деревни. Дома тесно жались друг к другу, выглядя просто и непритязательно. Неподалёку крестьяне гнали

домой коров и овец, а у входа в деревню на коленях сидела нищая девушка.

На ней была рваная одежда. Дрожа, она цеплялась за прохожих, словно умоляя о чём-то, но один из деревенских грубо оттолкнул её, обругал и ушёл.

Цзянь Чжэнь слегка нахмурился.

Девушка упала на землю, её миска разбилась. Она скорчилась, распустив волосы, словно стараясь стать как можно меньше.

Цзянь Чжэнь подошёл к ней. Его светлая рука мягко обхватила её тонкое, покрытое шрамами запястье.

— Ты в порядке? — тихо спросил он.

Лицо девушки было грязным, испещрённым синяками и ссадинами; под слоем пыли едва угадывались черты. Её глаза были тёмными, но пустыми — она смотрела в никуда и молчала.

Цзянь Чжэнь заметил её ногу и тихо вскрикнул:

— Ты ранена... у тебя кровь.

Хотя уже была поздняя осень, на ней всё ещё были тонкие, продранные штаны. Нога была в грязи и пепле, а по голени тянулась длинная рана, из которой сочилась алая кровь.

— Подожди немного, — сказал он.

Он часто сам набивал синяки, поэтому всегда носил с собой лекарства. Достав из-за пазухи порошок, Цзянь Чжэнь посыпал им рану. Немного помедлив, он оторвал длинную полоску от подола своего белого одеяния и аккуратно перебинтовал ей ногу.

Девушка испуганно попыталась отдёрнуться.

Цзянь Чжэнь посмотрел на неё своими чистыми, светлыми глазами и мягко улыбнулся:

— Всё хорошо. Я не плохой человек. Не бойся.

Ловко завязав повязку, он даже аккуратно сделал бантик.

— Вот так, — сказал он. — Пару дней не мочи рану, и шрама не останется.

Девушка опустила голову; длинные волосы скрывали её лицо, и невозможно было понять, что она чувствует.

Цзянь Чжэнь видел, какой она истощённой — словно порыв ветра мог бы её унести. Сердце сжалось от жалости.

— Почему ты здесь просишь милостыню? — спросил он. — У тебя случилась беда?

Словно только теперь она пришла в себя. Девушка забормотала, едва слышно повторяя:

— Бра... братик... ищу братика...

Цзянь Чжэнь прислушивался какое-то время, прежде чем разобрал слова.

— Ты потеряла брата? — уточнил он. — Он в этой деревне?

Девушка не ответила.

Вспомнив, как её только что пнули и оттолкнули деревенские, увидев её худобу и раны, Цзянь Чжэнь немного подумал, затем достал из одежды духовные камни, которые ранее дал ему Мозун Дажэн, и протянул девушке.

— Возьми это. Купи себе еды, найди место, где можно переночевать. С братом пока не спеши — со временем обязательно найдёшь его.

Десять камней высшего качества — он отдал их без малейшего колебания.

Белоснежные ладони Цзянь Чжэня бережно поддерживали духовные камни; в его взгляде светилась мягкая, искренняя доброта. Камни излучали в воздухе нежное, молочно-белое сияние.

Но, увидев их, девушка словно получила удар. Она начала отчаянно трясти головой, бессвязно бормоча:

— Не надо... не надо...

Цзянь Чжэнь опешил.

Он ещё не успел осознать происходящее, как девушка внезапно кинулась к нему. Её тонкий, по-детски надломленный голос стал резким:

— Уходи! Уходи прочь!

Её рука так и не успела коснуться Цзянь Чжэня.

Мощный поток силы разрезал воздух — девушку отбросило в сторону, её тело перекаатилось по земле. Перед Цзянь Чжэнем уже стоял Мозун Дажэн. Лицо мужчины было холодным, взгляд — ледяным и высокомерным, когда он посмотрел на девушку сверху вниз.

— Не смей к нему прикасаться. — произнёс он ровно.

Девушка вздрогнула всем телом.

Цзянь Чжэнь уже собирался подбежать и проверить, не поранилась ли она, когда увидел: девушка сама поднялась. Взъерошенная, грязная, она молча подняла с земли разбитую миску и, не сказав ни слова, ушла прочь.

Цзянь Чжэнь был потрясён увиденным.

Мозун Дажэн же словно ничего не заметил и, обернувшись, сказал:

— Пойдём.

Даже при всей своей наивности Цзянь Чжэнь почувствовал, что здесь что-то не так. Он с остаточным холодком в груди кивнул:

— Хорошо.

Они вошли в деревню.

В деревне Си было довольно оживлённо: по дорогам туда-сюда сновали жители. Цзянь Чжэнь и Мозун Дажэн шли по улице, разглядывая окрестности. Навстречу им выбежал ребёнок — маленькими шагами, едва не упав. Цзянь Чжэнь машинально протянул руку, чтобы поддержать его.

Но в следующий миг мать ребёнка резко отдернула его назад.

Она настороженно заслонила мальчика собой и, взглянув на Цзянь Чжэня и Мозун Дажэна, выдавила лишь вежливую, натянутую улыбку.

— Здравствуйте, — сказал Цзянь Чжэнь. — Мы издалека. Хотели бы расспросить о местонахождении цветка Си.

Услышав слова «цветок Си», женщина заметно вздрогнула, словно от страха, но всё же ответила:

— В нашей деревне за цветок Си отвечает только староста. Если ищете — идите к нему.

С этими словами она поспешно, будто опасаясь воров, увела ребёнка прочь.

Цзянь Чжэню показалась странной её реакция, но Мозун Дажэн остался невозмутим.

— Пойдём, — сказал он.

Они продолжили путь. В деревне было немало людей; солнце клонилось к закату, и над домами уже поднимался дым от очагов. Здесь имелось несколько простеньких лавок, а у входа в деревню стояла постоянный двор — им владел староста. У дверей сидело несколько человек.

Мозун Дажэн повёл Цзянь Чжэня и усадил его на скамью снаружи.

Староста, одетый в простую хлопковую одежду, подошёл и спросил:

— Вы двое — чужаки?

Мозун Дажэн кивнул.

— Значит, вы пришли ради цветка Си?

— Именно, — ответил он.

— Цветок Си — редчайшая ценность. Даже в нашей деревне каждый год удаётся вырастить лишь одну-две штуки, — староста усмехнулся. — Если вы хотите его получить, боюсь...

Мозун Дажэн неторопливо вертел в пальцах чайную чашку.

— С духовными камнями проблем не будет.

Староста замялся, а затем улыбнулся шире:

— В таком случае всё в порядке. Но если вы хотите цветок Си, вам придётся подождать несколько дней. Последний ещё не распустился.

— Цена не имеет значения, — спокойно сказал Мозун Дажэн. — Мы хотим взглянуть на место, где его выращивают.

Староста заколебался:

— Это...

Мозун Дажэн поднял тёмные глаза. Его тон был мягким, но давление в нём ощущалось ясно и отчётливо.

— Если это невозможно, мы не будем настаивать.

Вероятно, столь щедрые гости попадались нечасто.

— Конечно, конечно, никаких проблем, — поспешно ответил староста. — Подождите немного, я всё подготовлю.

Мозун Дажэн кивнул.

Староста ушёл.

Цзянь Чжэнь посмотрел ему вслед и тихо сказал:

— Я думал, на Севере Моря живут одни жестокие демоны... а люди здесь, кажется, вполне обычные.

Мозун Дажэн холодно усмехнулся.

Цзянь Чжэнь вопросительно посмотрел на него.

— Ты знаешь, — медленно произнёс Мозун Дажэн, — иногда демоны и чудовища не так уж страшны.

Его длинный палец легко коснулся чайной чашки, от которой в солнечном свете исходил холодный блеск.

— Гораздо страшнее человеческое сердце.

Почему-то Цзянь Чжэню стало зябко.

Вскоре староста вернулся, улыбаясь:

— Прошу, можем идти.

Мозун Дажэн поднялся:

— Пойдём.

Цзянь Чжэнь последовал за ним. Они шли некоторое время, петляя по узким тропинкам, пока наконец не вышли к полю. В самом его центре рос цветок, ещё не распустившийся. Духовная энергия вокруг него была настолько густой, что с первого взгляда становилось ясно — это нечто необыкновенное.

Староста с улыбкой сказал:

— Я ведь не обманывал вас. Цветок Си — величайшее сокровище для возвращения души. В мире он почти исчез, и теперь растёт лишь у нас.

Взгляд Мозун Дажэна задержался на бутоне, уголки его губ слегка приподнялись.

Староста уже был уверен, что гости тут же согласятся на покупку, но вместо этого Мозун Дажэн повернулся к Цзянь Чжэню:

— Пойдём.

Цзянь Чжэнь не стал спрашивать почему — просто кивнул и развернулся, следуя за ним.

Староста застыл в недоумении, глядя им вслед, а затем поспешил за ними:

— Господа, почему вы уходите? В чём дело?

Мозун Дажэн остановился, сверху вниз глядя на старосту. Давление его ауры было таким, словно человек в одно мгновение оказался в зале Асуры — перед самым демоническим божеством. Чёрные глаза были холодны и бездонны. Он чуть изогнул губы и произнёс негромко:

— Кто слишком много творит зла, тот сам себя и погубит.

Староста окаменел.

Мозун Дажэн развернулся и больше не удостоил его взглядом.

Они вдвоём пошли обратно по узкой тропе. Дорога прошла в полном молчании.

Лишь почти у самого выхода из деревни Цзянь Чжэнь словно наконец смог перевести дыхание. Он нахмурился и тихо сказал:

— Люди в этой деревне... слишком жестокие. Под тем полем — ни травинки, ни корешка. Оттуда тянет кровью.

Он был духовным лекарством, рождённым небом и землёй, впитывал чистую духовную энергию — такие вещи он чувствовал особенно остро.

Мозун Дажэн приподнял бровь:

— Учужал?

Цзянь Чжэнь кивнул:

— Они... выращивают цветы на человеческой крови?

Мозун Дажэн усмехнулся:

— Цветок Си — сокровище, питающее душу. Обычная человеческая кровь ему ни к чему.

Цзянь Чжэнь растерялся:

— Тогда... что это было?

Мозун Дажэн опустил взгляд на него. В тёмных глазах отчётливо отражалось лицо Цзянь Чжэня.

— Ты столько времени ходил по деревне, — сказал он. — Ты видел хоть одного ребёнка?

Слова упали — и Цзянь Чжэнь застыл.

В памяти всплыли настороженные движения матери, поведение жителей... холод мгновенно сковал руки и ноги.

Желудок свело. Цзянь Чжэнь не выдержал и, отойдя в сторону, его вырвало.

Мозун Дажэн дождался, пока его отпустит, поддержал за плечи и сказал:

— Возвращаемся. Цветы Си отсюда больше нельзя использовать. Я найду для тебя другие духовные сокровища.

Он взмахнул рукой.

С небес спустилась огненная феникс.

Глаза Цзянь Чжэня наполнились слезами.

— А... а дети этой деревни?.. — вырвалось у него.

Голос Мозун Дажэна был холоден:

— Я уже проверил всё божественным сознанием. В этой деревне давно не осталось живых детей. Тот ребёнок, которого ты видел, тоже проживёт недолго. Даже если спасти — он всё равно умрёт.

Силы будто разом покинули Цзянь Чжэня.

Когда они поднимались на феникса, он снова увидел ту девушку у входа в деревню — в рваной одежде, с чашкой в руках. Она стояла вдалеке и смотрела на них.

Цзянь Чжэнь вздрогнул, вцепился в рукав Мозун Дажэна:

— Она же тоже ребёнок! Она жива! Мы можем...

Мозун Дажэн удержал его и спокойно сказал, встретив его взгляд:

— Чжучжу, она не человек.

Цзянь Чжэнь окаменел.

Он обернулся — и увидел, как силуэт девушки словно колыхнулся в воздухе. Неизвестно откуда взялась флейта: она сидела на берегу речки и играла. На её голени всё ещё белела повязка, которую наложил Цзянь Чжэнь.

Феникс взмыл в небо с протяжным криком. Маленькая деревня постепенно уменьшалась внизу — вместе с заваленной долиной, с берегом реки и фигуркой девушки. Всё это медленно исчезало из поля зрения.

Цзянь Чжэнь был словно в тумане.

И только тогда вновь прозвучал голос Мозун Дажэна:

— Она — вид чжанггуй, называемый «ночнорожденный». При жизни она потеряла младшего брата. После смерти стала чжанггуйем и тянется к душам несправедливо погибших детей.

Цзянь Чжэнь вспомнил поле старосты.

— Когда она приходит в деревню, — продолжил Мозун Дажэн, — она повсюду ищет брата. А души убитых детей делают её сильнее. У чжанггуй изначально нет тела, но та, что ты видел, уже обрела человеческий облик. Она очень сильна.

Глаза Цзянь Чжэня расширились:

— Тогда она...

Мозун Дажэн чуть улыбнулся:

— Она совершит за тех детей то, чего они не успели сделать сами.

В голове Цзянь Чжэня сложилась догадка.

— Эта деревня, — спокойно добавил Мозун Дажэн, — скоро перестанет существовать. Чжанггуй уже у порога. Их конец близок.

Цзянь Чжэнь вдруг вспомнил, как та девушка кричала ему уйти, прогоняла его...

Не потому, что ненавидела?

А потому, что хотела, чтобы он покинул деревню?

От этой мысли сердце болезненно сжалось.

— Как же так... — прошептал он.

Феникс рассекал небо. Увидев его печаль, Мозун Дажэн холодно усмехнулся:

— Зачем тебе это? Есть люди, которые изначально заслуживают смерти. Мне безразлична судьба этих букашек.

—

Маленькая травинка разозлилась.

Но вскоре Цзянь Чжэнь поднял голову. Его чистые глаза смотрели прямо на Мозун Дажэна.

— Ты лжёшь, — тихо сказал он. — Тебе не всё равно.

Мозун Дажэн удивлённо посмотрел на него.

Демонического Бога, которого все считали холодным и безжалостным, впервые поставили под сомнение.

— Ты завалил горную долину, — продолжил Цзянь Чжэнь. — Потому что те добрые культиваторы, что под чайным навесом показали мне дорогу, тоже скоро должны были прийти. Ты не хотел, чтобы их втянули в это. Поэтому и перекрыл путь. Правда ведь?

<http://bllate.org/book/12641/1121244>